

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Christine Lynn Hermann
The Deck of Omens

© 2020 by Christine Lynn Hermann
This edition is published by agreement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© JulianBuijzen, studiovin, trezordia, Prokrida, Roxana Bashyrova,
Michael Mehrhoff, Jan Hendrik / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Линн Эрман, Кристина.

Л59 Колода предзнаменований / Кристина Линн Эрман ; [перевод с английского А. Харченко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — (Young Adult. Четверка Дорог).

ISBN 978-5-04-111642-2

Зверь уничтожен. Однако Серость истончила завесу между мирами и безумие готово захлестнуть Четверку Дорог с новой силой. Лишь одна девушка понимает всю серьезность грозящей беды: Мэй Готорн должна остановить Серость во что бы то ни стало. Но сделать это в одиночку ей не под силу. Чтобы спасти город, Мэй необходима помощь человека, которого ее семья презирает уже много лет. Однако в мире, наполненном душами умерших, есть нечто гора здо более могущественное, чем люди могут себе представить. И кроважидная Серость — лишь завеса, за которой скрывается истинное зло.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Харченко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-111642-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моим родителям,
которые привили мне любовь
к книгам.*

ЧАСТЬ I
СЕМЕРКА ВЕТВЕЙ

I

Все важные события в жизни Мэй Готорн произошли под деревом в ее саду.

Под ним она появилась на свет шестнадцать лет назад; ее упрямая мать до последнего не признавала, что у нее начались роды, и в итоге, когда ночь сменилась рассветом, жарким летним утром, она родила самостоятельно, после чего поехала с новорожденной дочерью в больницу.

Под ним Мэй впервые коснулась колоды Предзнаменований. Пospорила со старшим братом, кто быстрее залезет на ветки. Шептала тысячу секретов узлу в центре ствола, навеки застывшему в форме полуприкрытого глаза. Когда ей не спалось, она украдкой выходила на улицу и сворачивалась на покрове из мха и упавших со скрюченных веток боярышника листьев. Его глубокое, равномерное сердцебиение неизменно убаюкивало ее.

Это единственное место в мире, где Мэй чувствовала себя в безопасности, где ей не при-

ходило играть роль сестры или дочери, чтобы привлечь к себе внимание. А теперь, после полутора веков наблюдения за ее семьей, дерева не стало. Его теплая кора превратилась в рыжеватобурый камень.

Мэй прижала руку к стволу боярышника, в честь которого была названа ее семья, и отчаянно прислушалась к биению его сердца.

— Ничего, — сказала она хриплым от паники голосом. — Оно мертво.

— Мы не знаем этого наверняка.

Августа Готорн, мать Мэй, обошла дерево с другой стороны. Ее гладкие светлые волосы были зачесаны назад. На ней была черная шелковая пижама, такие же перчатки и наспех надетые рабочие сапоги. Позади нее блестели тусклые рассветные лучи, в свете которых темные мешки под ее глазами напоминали глубокие впадины.

Дерево воззвало к ней точно так же, как к Мэй. Его крик о помощи разбудил их на заре. Когда Мэй раздвинула шторы и выглянула в окно, ее сердце бешено заколотилось, горло сдавило от беззвучного крика. Вместо того чтобы легонько покачиваться на утреннем ветру, ветви боярышника полностью застыли.

Что примечательно, дерево не воззвало к Джастину, старшему брату Мэй. Обнаружив мать в саду, Мэй тут же побежала за ним, но он даже не открыл дверь своей спальни. И тогда она

поняла, что дерево его не заботило — *не могло* заботить — в той же мере, что и ее.

А вот ее матери было не все равно. Они вместе стояли на заднем дворике и рассматривали окаменевший труп боярышника. Мэй изо всех сил делала вид, что не замечала слез, блестевших в глазах Августы Готорн.

— Мы сами уладим эту проблему, — сказала она. — Только мы вдвоем. Обременять твоего брата нет смысла.

В кои-то веки Мэй не разозлилась на мать за это, что та позволила Джастину соскочить с крючка.

Когда Готорну исполнялось шестнадцать, он просил дерево наделить его силой, которая принадлежала их семье по праву рождения. Это позволяло им защищать Четверку Дорог от монстра, заточенного в мертвом лесу под названием Серость. Но Джастин провалил свой ритуал. А значит, он никогда не получит силу и не понесет ответственность за нее. Просить его помочь лишь для того, чтобы он бездеятельно наблюдал за их работой, было бы жестоко.

Это также давало Мэй возможность показать матери, почему дерево выбрало ее, а не Джастина. Потому что *она* могла справиться с любой трудностью, которую подкидывала ей Четверка Дорог. Даже с этой.

— Никто не должен об этом узнать, — продолжила Августа, глядя на ветки. — Если город

услышит о подобном нападении на нашу семью, последствия будут катастрофическими.

— Нападении, — повторила Мэй, и во рту появился неприятный кислый привкус.

Верные слова, но тем не менее опасные. Потому что это нападение совершил не монстр, от которого они должны были защищать город, а один из их так называемых союзников. Человек, которого она раньше считала другом.

— Это вина Харпер Карлайл, — прошептала она. Харпер, которая обладала невероятной силой, но доселе об этом не знала. — Она вернула себе память.

Августа мрачно кивнула.

— Это единственное объяснение.

Мэй снова посмотрела на боярышник, который выглядел скорее красным, чем коричневым в свете восходящего солнца, и подумала о последних неделях. О то, как корни, объединявшие Четверку Дорог, разнялись и переплелись заново.

С того дня как она достала карту Вайолет Сондерс месяц назад, в ее разуме открылся проход — корни проделали тоннель, которого она никогда прежде не видела. И он все изменил. Мэй могла остановить их, позволить корням загнить. Вместо этого она решила довериться брату с Айзеком и вернуть стертые Августой воспоминания Вайолет Сондерс. Она верила, что это было верным поступком, чтобы обезопасить город.

И Вайолет действительно спасла Четверку Дорог, но наверняка она догадалась, что Августа способна на гораздо большее. Что она использовала свою силу против других основателей, как Харпер. Судя по всему, Вайолет разобралась, как вернуть ей воспоминания, и Харпер вздумала отомстить семье, которая их забрала. А значит то, что произошло с боярышником, — вина Мэй. По ее животу поднялось густое и пузырящееся чувство стыда, и она задумалась, как скоро мать догадается о ее проступке.

Последние семь лет Мэй была идеальной дочерью. Но у Августы Готорн хорошая память, и вряд ли она забыла, что предшествовало этим семи годам, когда любовь и внимание дочери были предназначены сугубо ее отцу. Неважно, как вела себя Мэй сейчас. Августа никогда не будет полностью доверять ей. И если она узнает, что Мэй натворила, это разрушит их и без того хрупкое перемирие — возможно, навсегда.

— Как, по-твоему, это произошло? — спокойно спросила Мэй.

— Сондерсы, — без промедлений ответила ее мать. По телу Мэй прокатилась волна облегчения. — Глупо было думать, что я смогу внести изменения в древний союз Карлайлов и Сондерсов. *Радоваться*, что Джун... — Она покачала головой и прижала ладонь в перчатке ко рту.

— Ладно, значит, Сондерсы вернули Харпер память, — спешно продолжила Мэй. Ей самой

не нравилось повышенное внимание к своей персоне, когда эмоции брали над ней верх и она могла оказать матери ту же любезность. — Что нам теперь делать?

Лицо Августы сморщилось от злости.

— Если за этим действительно стоит Харпер Карлайл, мы позаботимся о том, чтобы она все исправила и ответила за свой поступок.

Слово «мы» зажгло в Мэй огонек надежды — это прозвучало как обещание.

— Да. Мы позаботимся об этом.

Августа с одобрением посмотрела на дочь.

— Полагаю, ты знаешь, что должна сделать дальше.

Мэй тяжело вздохнула, но кивнула. Дело было не в том, что она не хотела использовать свои способности, — просто Августа никогда не просила о помощи, которая не касалась бы ее сил. Казалось, это единственное, что интересовало ее в дочери.

— Ты хочешь, чтобы я погадала.

— Да, — Августа показала на боярышник. — Но не мне, а самому дереву. Это возможно?

Мэй перевела взгляд на боярышник, и ее сердце подскочило к горлу. Если бы все оставалось как прежде, сейчас маленькие ветки гнулись бы на ветру, а наверху, угнездившись среди медно-желтых листьев, чирикали бы птицы. Но боярышник оставался неподвижным и не подавал признаков жизни, все птицы улетели. Возмож-

но, их спугнули, а возможно, они тоже окаменели. Проведя последние три недели в компании Харпер Карлайл, Мэй выяснила, что та не знала жалости. Впрочем, настоящая жизненная сила дерева крылась не в ветках, не в узле на стволе и даже не в пожелтевших листьях.

А в корнях — вот что было действительно важно.

— Думаю, да, — Мэй потянулась в карман розовой пижамы и, достав колоду Предзнаменований, присела у основания дерева. — Сделаю все, что в моих силах.

Августа поджала губы, и Мэй догадалась, о чем подумала мать: что все ее усилия не гарантировали победу. Что ее сил всегда было недостаточно. Но она все равно села рядом с дочерью.

Колода Предзнаменований была их главной семейной реликвией, созданной основательницей семьи, Хетти Готорн, из коры этого самого дерева. В чужих руках она была бесполезна, но в руках Мэй приобретала силу — возможность заглянуть в прошлое и будущее живого координатора, если, конечно, будут заданы правильные вопросы. Карты постоянно менялись, эволюционируя с каждым поколением, чтобы четче отразить ситуацию в городе и позволить предугадать ее исход. Единственный человек, чью судьбу Мэй не могла прочесть, это она сама.